

ПЕТРУШКА

Продается у всѣхъ газетчиковъ и въ
газетно-книжныхъ бюрок. Иташниковъ.

Подъ редакціей ХОЛОДНАГО.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА:
Казанская, 5, магазинъ „Ф. Громанъ“.
Редакція и главная контора: Почтамтская, 10, кв. 12.

ГАЛАНТНЫЙ КАВАЛЕРЪ.

— Не плачь, дитя, не плачь напрасно. Соси мою кровь, наслаждайся. Авось вырастешь большая.
— Васъ эта малютка, кажется, беспокоитъ? Позвольте вамъ помочь...

„Петрушка“.

Не разъ въ младенствѣ моемъ,
Въ подруги няню взявъ старушку,
Я съ нею шествовалъ вдвоемъ
Послушать милаго „Петрушку“.
Для дѣтскихъ радостныхъ очей
„Петрушка“ былъ веселымъ раемъ,
Но тайный смыслъ его рѣчей
Былъ для меня не досягаемъ!
Прошли тяжелые года...
Блеснуло солнышко свободы...
Жизнь забурлила, какъ вода
Подъ вихремъ лѣтней непогоды!
Сулила многое молва,
Но, при наличьѣ грозной пушки,
Мнѣ и „свободныя“ слова
Словами кажутся „Петрушки“.

В. Жуковъ.

Митинги.

(Изъ подслушанныхъ разговоровъ).
У прожигателя.

— Даша!
— Что угодно, сударь?!
— Кто тамъ шумитъ у насъ въ прихо-
жей?
— А это, сударь, ваши кредиторы на
митингъ собрались.

Наша прислуга.

— Барыня, дозвольте-ка полчаса со
двора уйти?
— Куда это тебя несетъ?
— У насъ сегодня въ прачешной митингъ
куфарокъ, чтобы, значить, забастовать стар-
шему дворнику кланяться при встрѣчѣ.

Мѣра предосторожности.

— Жена, достань мнѣ изъ комода шесть
теплыхъ фуфакъ, да выбери тѣ, что по-
толще.

— Зачѣмъ?
— Я всё шесть надѣну на себя одну
на другую.
— Да ты въ умѣ?!
— Что за вопросъ, если я собираюсь на
митингъ и хочу уберечь свою спину!

Объяснила.

— Лукерья, куда барыня наша уѣхала?
— На дамскій митингъ, Ненилушка.
— Это что-же за музыка такая?
— Митингъ-то? А гдѣ кости моютъ другъ
дружкѣ, тамъ и есть митингъ.

На Невскомъ.

— Mademoiselle, позвольте пригласить
васъ съ собой на митингъ.
— Нахаль! Здѣсь всё городовые зна-
ютъ, что я этимъ не занимаюсь!

Сообразительный извозчикъ.

— Извозчикъ, на Мытнинскую набереж-
ную!
— Хе-хе-хе!... Не на мытингъ-ли?

И. Н—чъ.

Предсказаніе.

Какъ-то мать ребенка
Разуму учила:
„Рвется тамъ, гдѣ тонко!
„Въ единеньѣ сила!“
Преданный и точный,
Сынъ дорогой ползъ той,
Кончивъ въ... „одиночной“
На веревкѣ... „толстой“.

В. Ж.

— А что, котикъ, эти векселя подлежатъ
протесту?

Единственный исходъ.

Евгеній Викторовичъ Кандауровъ вер-
нулся домой со службы по обыкновенію въ
шестомъ часу.

Холостякъ, аккуратный изъ аккуратныхъ,
онъ перерядился изъ сюртука и крахмаль-
ной сорочки въ тужурку и косоворотку, а за-
тѣмъ сѣлъ къ столу. Единственная прислуга
его Авдотья возилась на кухнѣ.

— Дуняша, обѣдь!—постучалъ онъ по
краю тарелки ножомъ.

— Несу!—донеслось съ кухни.

— Что у насъ на первое?

— Борщъ,—появилась раскраснѣвшаяся
Авдотья, ставя на столъ миску.

— На второе?

— Битки, баринъ.

Кандауровъ сдѣлалъ гримасу. Авдотья
замѣтила это, утерла лицо фартукомъ и, от-
ступивъ на два шага, молвила:

— Скоро, Евгеній Викторовичъ, сами себѣ
готовить будете, тогда ужъ, что нравится,
то и состряпаете.

У Кандаурова чуть не выпала ложка
изъ рукъ.

— Что такое?—вытянулъ онъ лицо.

— А то, что забастовщики пойдутъ по
квартирамъ и будутъ сымать прислугу.

— Вотъ ты про что... Ну, иди, погово-
римъ потомъ...

Авдотья ушла, но не надолго. Скушавъ
тарелку борща, Кандауровъ самъ позвалъ ее.

Та явилась. Двѣ минуты Кандауровъ
смотрѣлъ на нее въ упоръ, а затѣмъ, когда
Авдотья опустила глаза, онъ спросилъ:

— Тебѣ плохо у меня служить?

— Не жалуюсь,—отвѣтила Авдотья.

— Тебѣ мало десяти рублей жалованья
при готовомъ столѣ, готовой квартирѣ, ото-
пленіи, освѣщеніи?

— Довольно...

— Который годъ ты у меня служишь?

— Четвертый.

— Въ каждую Пасху и Рождество по-
дарки получала отъ меня?

— Получала. Спасибо...

— Мясникъ тебѣ проценты платитъ?..
Говори!

— Не скрою, платятъ, но вѣдь это по-
всюду такъ.

— А я мѣшалъ этому?

— Нѣтъ.

— Изъ зеленой лавки тоже платятъ?

Авдотья молчала

— Сосчитай же, что ты имѣешь въ годъ!
У насъ въ канцеляріи иной чиновникъ того
не имѣетъ!

— Баринъ, зачѣмъ вы серчаете, вѣдь я
же говорю, что всёмъ довольна.

— Ты угрожаешь мнѣ забастовкой!

Господи, вѣдь будутъ силой сымать

Мамаша. Ну, и дѣтки! Цѣлый Божій день дерутся.

Сосѣди. Бѣдная мамаша. Вотъ что значить дурное воспитаніе.

прислугу. Ну, уйду я, потерпите, найдется другая.

— Авдотья, ты знаешь мои привычки, условия моей жизни...

— Что же делать, Евгений Викторович, если силой прогонять?

Кандауров встал и, ероша волосы, начал шагать от печки к двери и от двери к печке. Время от времени он подсчитывал бормотанием годовой расход на прислугу. Иногда он взглядывал на смазливое лицо Авдотьи. Авдотья ждала, что будет дальше...

Вдруг Кандауров остановился и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре; паспорт у вас, посмотрите, — сказала Авдотья.

— Мне сорок второй.

— Ася?

— Не „ася“, а вот что: выходи за меня за муж! Понимаешь мой план: женюсь и никакие кухарки не посмѣют гнать тебя! Авдотья, зардѣвшись, как макъ цвѣтъ, прикрыла лицо фартукомъ.

А вечеромъ Кандауровъ рылся въ ящикахъ письменнаго стола, отыскивая бумаги для вѣнчанія.

Авдотья готовила чай и думала:

„Женится... Это хорошо, забастовщицы не съмутъ... Но какъ же съ процентами изъ мясной будетъ?...“

Досужій.

Неприкосновенность личности.

Маленькій Ваня обращается къ отцу, который, видимо, не въ духѣ:

— Папа, что это такое неприкосновенность личности?

— А, вотъ, я тебя выдеру, какъ сидорову козу, паршивецъ эдакій, тогда ты у меня и узнаешь, что такое неприкосновенность личности! Совсѣмъ отъ рукъ отбился!

3.

Въ ссудо-сберегательной кассѣ.

(Сценка.)

Масса простаго народа. Сторожъ не успѣваетъ давать справки. Къ нему обращается ветхая, но еще бодрая старушка:

— Скажи, батюшка, гдѣ здѣсь можно свой собственный капиталъ съ процентами получить?

— Да тебѣ то зачѣмъ?—удивляется сторожъ,—помирать что ли собираешься!

— Зачѣмъ помирать?—огрызается та, — а только было пропечатано, что нашимъ денежкамъ конецъ приходитъ. Такъ ты мнѣ денежки подай!

— Я тутъ не при чемъ! Ступай вотъ къ окошечку! Да не сюда, а въ хвостъ... въ очередь становись... Авось до закрытія доберешься...

Къ сторожу подлетаетъ субъектъ въ разнокалиберномъ костюмѣ.

— Что? Много народу перебивало?

— А кто его знаетъ! Развѣ его сосчитаешь!

— И все было спокойно!

— Видите, полиціи нѣтъ!—значитъ, спокойно!

— Ни протестовъ, ни истерикъ, ни самоубійствъ!..

— Да вамъ что собственно угодно? Деньги получить?

— Нѣтъ! Я получаю по субботамъ! Я репортеръ петербургскихъ, Выборгскихъ и ингерманландскихъ газетъ.

Сторожъ съ пренебреженіемъ отворачивается и тотчасъ же попадаетъ подъ вопросъ старозавѣтнаго купчины...

Г. Пропперъ, ред.-изд. „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Человѣкъ, который ѣздитъ только къ Витте.

— Ну, что служивый,—громко говоритъ его степенство,—полностью выдають?

— Полностью,—ваше степенство,—полностью!

— Ну, такъ какое же это банкротство! Самъ съ усамъ... тожъ бывало... До десяти копѣекъ на рубль доходило... Только даромъ съ Охты потревожился... На вотъ тебѣ за добрую вѣсточку... А денежки пушай полежають!

Сторожъ низко кланяется и пропускаетъ почтительно купца къ выходу и попадаетъ во власть не то странника, не то монаха. Субъектъ подозрительнаго свойства. Въ лицо прямо не глядитъ, а говоритъ нараспѣвъ. Сторожъ почтительно останавливается передъ нимъ.

— Ублажи душу мою, чадо военное!—говоритъ странникъ.—Изреки правду и укажи путь ко спасенію сребренниковъ моихъ.

— Деньги получить желаете, святой отецъ?—спрашивается съ блаженной улыбкой старый унтеръ офицеръ.

— Деньги тлѣны и малодушіе... Нѣсть великая еже святая! Нѣсть святая еже великая...

На глазахъ унтера появляются слезы умиленія.

— Благослови, отецъ святой,—говоритъ онъ, протягивая руки.

— Не рукоположенъ... Но духомъ покорнымъ, духомъ смиреннымъ на святое дѣло подвинулъ мя еси! Да благослови тебя...

Странникъ благословилъ сторожа и, принявъ отъ него скромное давленіе, не спѣша вышелъ изъ передней...

Черезъ десять минутъ сторожъ благимъ матомъ завопилъ:

— Отцы родные! Золотую шейную медаль слямзили! Ну бери изъ кассы, но зачѣмъ съ меня то брать... да еще съ процентами... ленточки-то новые... двадцать копѣекъ мнѣ стоили...

А народъ все прибывалъ и прибывалъ!

В. Жуковъ.

На улицѣ.

— Извозчикъ! Далеко ли до участка!

— Нѣтъ, баринъ! Блиско! Одно лишнее слоро и вы тамъ!

Будущіе депутаты въ Государственную Думу.

(Подписи подъ рисунками предоставляемъ дѣлать читателямъ).

(Продолженіе слѣдуетъ)

Ты ангелъ мира, ты
ангелъ свѣтлый.

Объявление.

!!Пользуйтесь случаемъ!!

Не вѣрьте никакимъ публикаціямъ о дешевой продажѣ мебели, а положитесь исключительно на насъ.

Зайдите и убѣдитесь,
что мы отдаемъ нашу мебель
даромъ!

Чудная гостиная, состоящая изъ стараго дивана и двухъ креселъ, набитыхъ снѣгомъ и навозомъ, къ нимъ столъ и коверъ изъ настоящей рогожи, за все только 160 руб.

Роскошный кабинетъ, состоящій изъ кресла съ ведромъ и мѣшка для старыхъ газетъ, только за 95 рублей.

Рѣдная столовая: столъ бѣлаго настоящаго березоваго дерева, 4т абурета, шкафъ модный (безъ дверей и ящиковъ), за все только 140 рублей.

Уютная спальная „Марія Антуанета“ со всеми принадлежностями, только за 100 рублей.

Прихожая, состоящая изъ 3-хъ гвоздей для вѣшанія платья, за 25 рублей.

Торопитесь!! Распродажа продлится до тѣхъ поръ, пока еще есть довѣрчивые, простые люди.

Надеждинская ул., д. № 00.

Копію съ объявленія снялъ

Ирѣ.

Къ инциденту въ домъ сумасшедшихъ.

Что общество наше идетъ
Волною широкой впередъ—
Мы видимъ изъ фактовъ различныхъ!
Печальной отсталости нѣтъ...
Отвагой несеть отъ газетъ...
Свободно на стогнахъ столичныхъ!..

До какого курьеза можетъ дойти самоотверженность нашихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Но вотъ гдѣ чудеснаго тѣма:
Пріютъ для сошедшихъ съ ума
Несбыточный слухъ протрезвонилъ.
Кривляясь въ режимъ крутомъ,
Вторично онъ „спятилъ“ на томъ,
Что смыслъ въ автономіи понялъ!

Victor.

Проектъ новыхъ правилъ для лицъ посѣщающихъ рестораны.

(Навѣянъ третьимъ собраніемъ тружениковъ трактирнаго промысла города Петербурга).

1. Посѣтителі обязаны говорить официантамъ „вы“; исключеніе дѣлается для тѣхъ кто можетъ истратитъ въ ресторанѣ больше 100 рублей.

2. Если посѣтитель не съѣстъ всего заказаннаго имъ кушанья, то официантъ имѣетъ право приѣсть и докусать оставшееся.

3. За услуги посѣтитель платитъ официанту 15% со счета, даже если въ счету имѣется приписка того, что и не спрашивалось.

4. Звать официанта „человѣкъ“ строго воспрещается и официантъ имѣетъ право отвѣтитъ виновному: „ты самъ идиотъ!“ Слѣдуетъ звать официанта такъ:

— Милостивый государь (имя и отчество), не будете ли столь любезны подать (названіе вина или кушанья).

5. Если на зовъ въ формѣ, упомянутой выше, официантъ не откликается и не подходитъ, то это значитъ, что посѣтитель долженъ самъ себя прислуживать.

6. Посетители, требующие только один обед и ничего больше, подвергаются бойкату.

7. Если официант пьет чай, то посетитель обязан не беспокоить его, пока чаепитие не будет окончено.

8. Заняв стол, каждый посетитель сам прикрепляет к борту своего сюртука номерок для того, чтобы слуга, обращаясь к нему, называл его „номер такой-то, что надо?“

9. Посетителю дозволяется при уходе своим прощанием с официантом за руку.

10. Все, что забыто на столе, остается в пользу официанта.

Семафоръ.

Тоже забастовка.

В уютном хорошеньком, как бонбоньерка, будуар царил розовый полумрак, любимый свет Нины Александровны. Эффектная блондинка грациозно нѣжилась на кушеткѣ и съ явнымъ нетерпѣніемъ поджидала кого-то.

Наконецъ, чуткое ухо ея уловило звукъ неровныхъ, заглушаемыхъ коврами шаговъ, и въ будуарѣ появился на трясущихся ножкахъ плюгавый старикашка, сверкавший орденами и регалиями всѣхъ степеней.

Нина Александровна съѣдала мраморное лицо и не шелохнулась...

Старикашка замеръ въ восхищеніи и даже капнулъ слюнями на бѣлоснѣжную манишку.

— Божество!.. — восторженно прошепталъ онъ, дѣлая попытку опуститься на колѣни около кушетки.

— Дуся моя, лущу дай папаскѣ поцѣловать!.. — съ дѣтской нѣжностью просюсюкалъ млѣвший старикашка и вторично капнулъ на точеную, античную ручку божества.

— Фи, какая мерзость! Подите прочь, я совсѣмъ сегодня не расположена къ нѣжностямъ... — съ ледянымъ равнодушіемъ отстранилась Нина Александровна.

— Ой, какія мы сегодня сердитыя!.. — окончательно захлебнулся старичекъ. — Бѣдный папашка, его Ниночка не въ духѣ, хе-хе-хе!

Неожиданный щелчокъ по носу заставилъ его отшатнуться. Старикашка потерялъ равновѣсіе и шлепнулся на коверъ.

— Ай-ай, стыдъ какой!.. — укоризненно покачалъ онъ головой, поднимаясь на четверинки, — совсѣмъ нехорошо, бяка!

— Послушайте!.. — вскакивая съ кушетки, сверкнула глазками Нина Александровна, — я васъ еще разъ прошу оставить меня въ покоѣ, я совершенно не въ такомъ расположеніи! Слышите, вы?

— Но я не понимаю...

— Такъ вотъ поймите: съ сегодняшняго дня я объявляю вамъ экономическую забастовку. Поняли?

— Ка...ка...какъ?! — все еще стоя на четверинкахъ, растерянно смотрѣлъ старикашка.

— А такъ. Впредь до удовлетворенія всѣхъ моихъ требованій — я бастую и вы не смѣете ко мнѣ носу показывать!

— Но я, кажется, и такъ ни въ чемъ не стѣсняю тебя, мой другъ...

— Вы мнѣ только скажите: желаете вы, чтобы я продолжала забастовку или не желаете? — поставила Нина Александровна вопросъ ребромъ.

— Боже упаси!.. — всполошился старикашка, — я все съѣлаю, что могу для моей пупочки!..

— Такъ вотъ, во-первыхъ, я требую, чтобы вы мнѣ увеличили содержаніе на сто процентовъ...

— Цыпнышка, развѣ тебѣ не хватаетъ двѣнадцати тысячъ въ годъ?

— Я желаю двадцать четыре!

— Боже мой, такъ сразу!.. Не даетъ даже подумать... Букашечка, можетъ быть это требованіе ты отложишь до окончанія ревизіи въ правленіи? — робко предложилъ старикашка.

— Ваши ревизіи меня не касаются! — сухо отчеканила Нина Александровна. — Во-вторыхъ, я желаю, чтобы у меня въ теченіе этой недѣли былъ крытый четырехмѣстный моторъ...

— Это можно... — вздохнулъ старикашка.

— Въ третьихъ, я требую вѣжливости въ обращеніи.

— Когда же, когда я позволю себѣ?.. Ай-ай, киска, стыдъ какой, обвинять меня въ этомъ!..

— Невѣжливость заключается въ томъ, что вы изволите провѣрять счета моихъ модистокъ, портнихъ, магазиновъ. Этотъ контроль извольте упразднить.

— Да ужъ хорошо, хорошо...

— Въ четвертыхъ, я настаиваю, чтобы вы немедленно приняли обратно на службу секретаря Сергѣя Павловича...

— Этого вертопраха?

— Онъ вовсе не вертопрахъ, а невинно пострадавшая жертва гнусныхъ сплетней!

— Но онъ осмѣлился быть здѣсь и мнѣ передавали...

— Ни слова! Молодой человѣкъ долженъ быть принятъ на службу. Наконецъ, въ пятыхъ, я требую свободы собраній.

— Это какихъ же собраній? — недоумѣвалъ старикашка.

— Это значитъ, что двери моего будуара отнынѣ не для васъ одного открыты. Я хочу общества, хочу, чтобы у меня бывали свѣжіе люди...

— Кромѣ вертопраха!

— Въ такомъ случаѣ, я бастую!

— Ну, ну, не надо, я пошутилъ... Ахъ, какая горячка, какая горячка! бормоталъ старикашка.

— Вотъ давно бы такъ! — дѣлanno улыбнулась Нина Александровна и протянула щеку, — ну, а теперь можете цѣловать!

— Хе-хе-хе! — совсѣмъ распустилъ слюни старикашка, — вѣдь, какъ напугала, бяка, своего напку... Начиталась этихъ газетъ и туда-же... У, проказница!.. Хе-хе-хе!..

Тритонъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Никакъ измѣна!

— Побольше хладнокровія, несчастный мужъ!

— Терпѣніе, мой юный другъ, терпѣніе, какъ сказалъ одинъ великій полководецъ.

— А теперь пожалуйста на свѣжій воздухъ, мой счастливый соперникъ!

Какъ сооружали сценическую «платформу» и что изъ этого вышло.

Забавная комедія пока въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующихъ лицъ множество.

Сцена представляетъ сцену и зрительный залъ. У входа толнятся актеры и актрисы, рецензенты, драматурги.

Господинъ, пристающій ко всѣмъ входящимъ. Надо расписываться, господа! На собраніе допускаются только признающіе платформу.

Старушка-ingenue изъ Народнаго дома. Ахъ, я ничего не смыслю въ политикѣ! Что такое платформа? И некрасиво такъ звучитъ. Лучше бы назвать дебаркадеръ или площадку.

Чей-то голосъ, видимо изъ москвичей. Не Собачья ли?..

Актриса Малаго театра. Дорогая моя. Достаньте себѣ гдѣ-нибудь энциклопедическій словарь, изданіе Суворина. Оно кстати и съ нѣкоторыми товарками по „дому“ подѣлитесь.

Актъ одного изъ „Фарсовъ“. Mille pardon, madame, а впрочемъ можетъ быть и mademoiselle. Суворина—это адресная книга „Весь Петербургъ“, а энциклопедическій словарь...

Актриса Малаго театра (обидчиво). Не знаю, но у насъ все Суворина..

Молодая актриса (сразу нельзя разобрать какою театра). Почему у входа толнятся столько народу? О чемъ они торгуются?

Актриса, которую спрашиваютъ. Боятся, ма chère (насмѣшливо). Вы знаете нашихъ, надо подписать, а многіе не въ силахъ этого исполнить.

Актъ, вѣроятно безъ ангажемента. Напрасно-съ это вы говорите. Никто тутъ не боится, но... намъ неясно... Просимъ объяснить послѣдній пунктъ платформы!..

Всѣ въ одинъ голосъ. Просимъ, просимъ, просимъ!!

Г. Бравичъ. Господа, ну къ чему этотъ крикъ? Вы не умѣете себя вести!..

Голоса. Просимъ, просимъ!

Г. Кугель. Извольте, господа, я поясню. Я! (поясняетъ)

Г. Бравичъ. Господа, мы можемъ васъ допустить въ качествѣ гостей, но... безъ права голоса.

Голоса. Согласны, согласны!

(Образуется верхняя и нижняя палаты. Начинаются пренія, переходящія вскорѣ въ кавардакъ).

Г-жа Коммиссаржевская. Господа, прошу васъ, вы наши гости...

Тоненькій женскій голосъ сверху. Мы у себя дома..

Г. Бравичъ. Позвольте, но это театръ Вѣры Федоровны Коммиссаржевской.

Г. Дилинъ (фигурантъ Народнаго дома). Въ такомъ случаѣ этотъ союзъ назовите

союзомъ Коммиссаржевской, а не всероссійскимъ...

Г. Снарятинъ (симпатичный старшина знаменитаго Черноморченскаго клуба) Да-съ, не всероссійскимъ.

Г. Ржевскій. (Издатель славянскаго словаря сценическихъ дѣятелей, онъ же двоюродный Маклаковъ). Я такой же честный и порядочный гражданинъ, какъ и вы. Отчего же меня не допускаютъ?!

Голоса. Допустить, всѣхъ допустить!

Г. Неволинъ (небольшой актеръ маленькаго роста, потрясая крошечнымъ бутафорскимъ пистолетомъ). Къ оружію! Призываю всѣхъ къ оружію!

Г. Арабагинъ (бывшій редакторъ „Сѣвернаго Курьера“, держа г. Неволина за рукавъ, смущенно. Но дамы...

Г. Неволинъ. Всѣ! Равноправіе! (въ изступленіи) Къ оружію! (вскакиваетъ на столъ и прищуриваетъ глаза). Граждане и товарищи...

(Безкомичную „вольную“ рѣчь г. Неволина всѣ волей-неволей выслушиваютъ).

Г. Красовъ (премьеръ „Драматическаго театра“). Господа на прошломъ засѣданіи мы рѣшили считать членами учредит...

(Страшный шумъ наверху).

Г. Огулянский (тоже актеръ). Позвольте, насъ тогда не было! Это произволь! Протестую!

Голоса сверху. Да! Да! Да! Произволь! Безобразіе! Караулъ! Гевалтъ!

Г. Бравичъ (выскакивая на эстраду). Вы наши гости, благодарю васъ!

Г. Павловскій (бывшій актеръ попечительства о народной трезвости, оставил тамъ службу, возмущенный, что въ Народномъ домѣ ввели продажу пива). Bravo актеру Бравичу! (лулливо) Актеру!

Актриса Народнаго дома. Что Бравичъ актеръ—это всѣмъ извѣстно, а кто вы такой—никто не знаетъ.

Г. Арабагинъ. (Нѣжно) Я совершенно согласенъ съ уважаемыми товарищами, сидящими внизу. (Наверху шумъ). Господа, дайте мнѣ договорить. Моя рѣчь только вначалѣ клонится... какъ бы противъ васъ, но... на самомъ дѣлѣ я ни противъ васъ, ни за васъ. (Внизу смѣхъ).

Г-жа Яворская. (голосомъ, въ которомъ слышится золота арфа) Слушайте, слушайте! (простираетъ руки и читаетъ монологъ изъ „Принцессы Грезы“).

Г. Озаровскій, (выходя на эстраду, уныло) Господа, мнѣ грустно. Я выхожу изъ состава! Грустно! (утираетъ слезы и медленно уходитъ изъ залы, у дверей всхлипываетъ).

Большинство. И мы, и мы! Не желаемъ оставаться! Выходимъ! (Оставляютъ залу).

Меньшинство. А мы остаемся.

Г. Ждановъ (премированный драматургъ,

неподражаемый ораторъ. Грозовымъ басомъ). Господа, я хотѣлъ...

Голоса. Тише, тише!—не оглушите!..

Г. Ждановъ (Галантно) Постараюсь (голосомъ новорожденнаго цыпленка) Итакъ, господа...

(Поднимается невообразимый шумъ, въ продолженіе котораго всѣ понемногу начинаютъ расходиться).

Одна дама изъ Народнаго дома. Я не могу признать платформу. Амнистія, отмѣна смертной казни—чудовищно!

Г. Ромашковъ (Оттуда же. Собирая оправдательныя подписи). Россія безъ смертной казни существовать не можетъ!

Одна дама (раскрасившись на манеръ революціоннаго флага) Вашу руку, благородный товарищъ!

(Съ чувствомъ пожимаетъ руку г. Ромашкову и оба растраченные рыдаютъ).

Г. Плющинъ-Плющевскій (нравственно приплюснутый всѣмъ происходившимъ) Дорогіе мои, ступайте домой! Плюньте на все. До сихъ поръ жили безъ союзовъ и теперь проживемъ.

Г. Огулянский (Грозно). Господа, мы не уйдемъ изъ этого театра, мы...

Механикъ элентрической станціи. А вотъ посмотримъ.

(Внезапно гаснетъ свѣтъ. Раздаются испуганные крики и чей-то визгъ. Натыкаясь въ темнотѣ другъ на друга, всѣ быстро очищаютъ залъ).

Такъ создавали наши актеры и актрисы платформу сценическихъ дѣятелей.

Шпильна.

Въ балетѣ.

Люблю чарующій балетъ!

Люблю пластичныя фигуры!

Я увлекаюсь много лѣтъ,

Какъ эти легкіе амуры.

Какъ этотъ рой воздушныхъ фей,

Въ тѣни сценическаго крова

Вились, мелькали средь ночей,

Не говоря при томъ ни слова!

Базарной рѣчи плевела

Не помѣщались въ эту раму:

Одна лишь мимика вела

Всю поэтическую драму!

Не потому ль Кшесинскій панъ,

Сойдясь съ Монаховымъ („подъ мухой“),

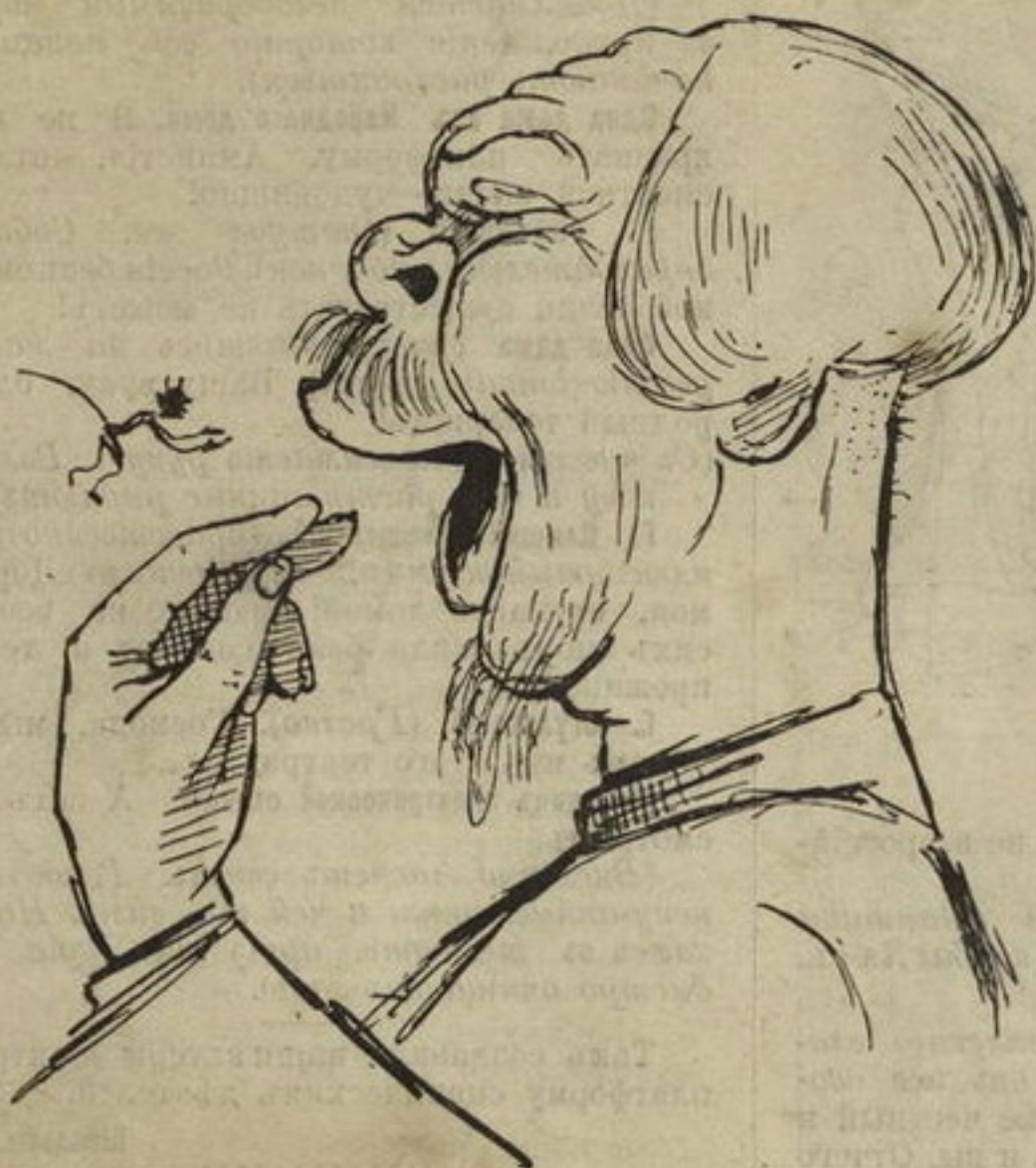
За словомъ не полѣзъ въ карманъ,

А ограничился плеухой?

Апулей.

— Гдѣ блоха?

Когда зѣваешь, крестись, купчина!

Почтовый ящикъ.

Г. Начинающему юмористу. Если вы даёте слово не ругаться печатно и непечатно, то мы готовы съ вами переговорить. Зайдите въ редакцію.

Г. Читателю „Что было вчера“. При всемъ сочувствіи къ Вамъ, мы рѣшительно отказываемся исполнить Ваше порученіе. Доставить Ваше письмо по назначенію мы не взяли бы даже и въ томъ случаѣ, если бы почта бы продолжала бастовать, ибо никонимъ образомъ не можемъ себя причислить къ сонму великосвѣтскихъ дамъ, помогавшихъ почтальонамъ. Но такъ какъ Вамъ, повидимому, не нравится почта, обратитесь къ услугамъ посыльного.

Г. Пролетарію Ш. Несказанно Вамъ признательны за присылку своего мнѣнія о нашемъ первомъ выпускѣ „Злоба дня“. Однако, оставляемъ за собой право безконечно удивляться, зачѣмъ Вамъ понадобилось прислать въ редакцію письмо безъ марки. Мы всегда будемъ уважать чужіе взгляды, отъ кого бы они не исходили, но къ чему Вамъ вздумалось наказывать насъ, заставивъ уплатить двойную стоимость пересылки Вашего уважаемаго письма. Въ другой разъ если пожелаете написать намъ, пожалуйста зайдите въ редакцію, гдѣ Вамъ будетъ выданъ бесплатно конвертъ съ наклеенной маркой и даже листъ почтовой бумаги. Все же это для насъ будетъ выгодно.

Г. шт.-нап. Пуццлло. На-дняхъ въ „Бирж. Вѣд.“ вы помѣстили такое письмо, блестящее неподдѣльнымъ юморомъ.

„М. Г., г. Редакторъ!

Позвольте черезъ посредство вашей газеты выразить мою благодарность неизвѣстному мнѣ господину, который, войдя въ мою квартиру (Рижскій пр., д. № 68, кв. 24) 16-го ноября, между 2-мя и 5-ю часами дня и похитивъ часть моего носильнаго платья, оставилъ все-таки мою шубу, вполне основательно предполагая, что зимою она необходима. Прошу также сего госпо-

дина возвратить мнѣ ключи, найденные имъ въ моемъ письменномъ столѣ, или указать, гдѣ онъ ихъ оставилъ. Думаю, что они ему не нужны.

Примите и проч.

шт.-кап. Пуццлло“.

Ради Бога, г. штабсъ-капитанъ, не откажите намъ въ присылкѣ своихъ будущихъ литературныхъ трудовъ, которые, безъ сомнѣнія, затмуютъ самого Марка Твена.

Неизвѣстнаго же Вамъ господина, несмотря на его сердобольность и нѣкоторое остроуміе, убедительно просимъ къ намъ не навѣдываться.

Отъ конторы.

Слѣдующій номеръ появится въ пятницу подъ названіемъ „Свободный смѣхъ“ (№ 2) и затѣмъ еженедѣльно будетъ выходить подъ этимъ названіемъ, какъ періодическое изданіе.

Вышедшіе уже — „Злоба дня“, „Что было вчера“ и „Свободный смѣхъ“ продаются въ складѣ въ магазинѣ „Ф. Громанъ“ (Казанская, 5). Цѣна 5 коп. Высылаются повсемѣстно за одну семикопѣчную марку.

Редакторъ-издатель Холодный.

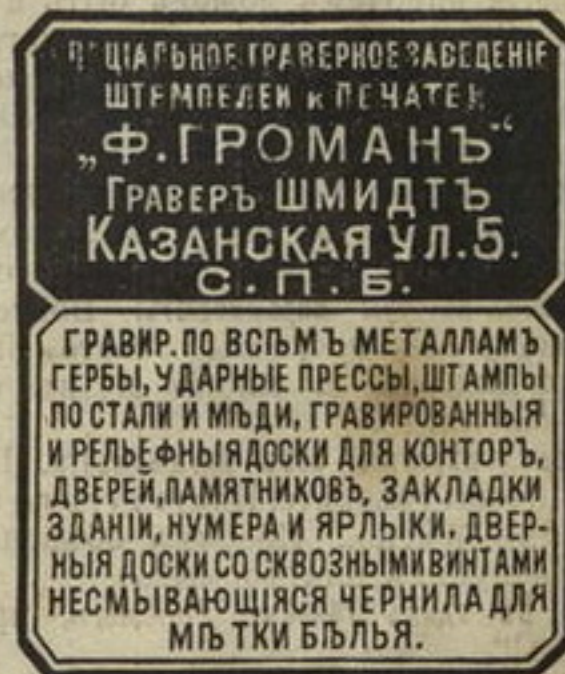
Объявленія.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ сдается подъ любит. спект. Своб. дни Среда и Четвергъ по 25 руб. за спектакль. Услов.: Садовая, 99, кв. 6, отъ 6 до 7 час. вечера.

ВНОВЬ ОТКРЫТА КРАСИЛЬНЯ

М-me Marie.

Вознесенскій пр., д. № 10.

Открыта подписка

съ 1 января 1906 года

на еженедѣльный юмористическій журналъ съ карриатурами

„СВОБОДНЫЙ СМѢХЪ“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою: на 1 годъ—3 рубля, на 6 мѣсяцевъ—1 р. 50 коп., на 1 мѣсяць—30 коп. Отдѣльные номера въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакція и контора: Почтамтская 10, кв. 12.

Редакторъ-издатель Е. М. Адамовъ (Холодный).